

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К64

*Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.*

Оформление серии — Андрей Ферез

Конофальский, Борис Вячеславович.

К64 Вассал и господин : [роман] / Борис Конофальский. — Москва :
Издательство АСТ, 2022. — 336 с. — (Путь инквизитора).

ISBN 978-5-17-148135-3

Еще будучи простым солдатом, Ярослав Волков мечтал о титуле и земельном наделе, чтобы вести спокойную мирную жизнь. И мечты осуществились: герцог Ребенрее лично принял его вассальную клятву и пожаловал в лен землю, называемую Эшбахтом. Но, как оказалось, до спокойствия далеко — владения нового господина фон Эшбахта находятся в центре разных политических и торговых интересов, а еще там свирепствуют волки, среди которых огромный и устрашающий зверь, слишком умный и страшный для того, чтобы быть обычным хищником.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-148135-3

© Конофальский Б., 2022
© ООО "Издательство "АСТ", 2022

ГЛАВА 1

В Вильбурге Его Высочества не оказалось. Он отбыл с двором в свою резиденцию в Маленберг, замок, что находился в половине дня пути на юг от Вильбурга. Полдня пути. Всего полдня. Пусть Волков со своими людьми придет к ночи, но лучше добраться к ночи, чем здесь, в Вильбурге, встретить Адольфа фон Филенбурга — жирного и истеричного вильбургского епископа.

Аббат Илларион, посмеиваясь, рассказывал Волкову во время пиров в Хоккенхайме, что епископ зеленеет лицом и трясет всеми своими подбородками, когда слышит имя кавалера. Епископ всех уверяет, что Волков вовсе не рыцарь, а вор, который его обокрал, выманив пятьдесят талеров на дело, которое не сделал. И что сам он, епископ Вильбурга, не просил своего брата, архиепископа Ланна, производить этого проходимца в рыцари. И что письмо, которое привез мошенник от него, подложное. В общем, встречаться с этим жирным попом Волков не хотел ни при каких обстоятельствах и задерживаться в Вильбурге не стал.

С ним были офицеры Рене и Бертье и их люди, почти сто шестьдесят человек. Дело в том, что еще в Хоккенхайме он выдал им деньги вперед за месяц, и месяц этот заканчивался только через неделю.

Можно, конечно, было их отпустить с богом, все равно они ему особо и не нужны, но Волков потащил всех этих людей с собой. Ему почему-то казалось, что приди он к курфюрсту не один, а с хорошим отрядом, курфюрст выкажет ему больше уважения. А может, и награда будет побольше. Вот и не отпускал он их, даже несмотря на то, что «кров и прокорм» оставались за ним. А еще люди Кар-

ла Брюнхвальда, почти сорок человек, которым он тоже заплатил вперед. В общем, затрат было немало, но он не отказывался нести эти траты, лишь бы прийти к герцогу во главе отряда. Гордыня? Да, гордыня. Но пусть герцог знает, что Волков способен вести и содержать без малого две сотни людей, да еще с тремя офицерами.

Так он и выехал из Вильбурга впереди колонны солдат. А с ними двигался и обоз, во главе которого ехала роскошная карета некогда страшной ведьмы Рябой Рут из города Хоккенхайма, из окна которой поглядывала на всех одетая в парчу совсем молодая женщина. Она не была красавицей, но все говорило в ней о ее высоком происхождении. И вид ее был притягателен, многие мужчины сочли бы ее желанной. Лик ее, осанка и высокомерный взгляд заставляли простых людей кланяться карете. Все, кто знал девушку, обращались к ней не иначе как госпожа Агнес. А те, кто не знал, звали ее госпожа Фолькоф, считая ее родственницей рыцаря — на что она отвечала благосклонно и не поправляла обратившегося. Видимо, она была не против, чтобы все так и считали. А вот те, кто знал, где рыцарь ее подобрал, и Сыч, и Ёган, так они вообще без необходимости к ней не обращались. И хотели бы держаться от нее подальше.

— Ну ее к черту, — коротко выразился Фриц Ламме по прозвищу Сыч.

И Ёган, человек, который никогда с Сычом не соглашался ни по каким вопросам, тут был с ним абсолютно солидарен:

— Дьяволова баба, жду не дождусь, когда господин ее поперет от себя.

Но сейчас Ёгану оказалось непросто ее избегать. Господин не дал Агнес денег на кучера, и кучером пришлось быть ему, хотя он всю свою крестьянскую жизнь управлял только телегой. А тут на тебе, карета. Да еще в четыре коня. Шутка ли? Он старался как мог, но за каждую яму на дороге за каждое резкое движение или крен кареты в спину ему летел выговор. Выговаривала не сама Агнес, а новая служанка ее, некрасивая, но молодая бабенка с жирным лицом и массивными плечами, как у мужика. Госпожа звала ее Астрид.

Служанка говорила ему хоть и громко, но постным голосом, лишенным интонации:

— Неумением своим ты госпоже докучаешь. Бестолковый ты кучер.

Здоровенный мужик ростом едва ли не выше Волкова и уж точно толще его, развевшийся на хозяйских хлебах, втягивал голову в плечи, словно его хлыстом ожгли. Морщился и вздыхал, старался, как умел, объезжать ямы, чтобы только не злить лишний раз важную госпожу Агнес. Ту самую Агнес, которую год назад рыцарь нашел в трактире в Рютте, когда она мыла там заблеваннные полы и грязные столы.

Максимилиан, сын Карла Брюнхвальда, что со штандартом Волкова ехал в голове колонны, обернулся и крикнул отцу и рыцарю, что шагов на десять отстали от него:

— Господа, замок!

Брюнхвальд и Волков, занятые малозначительным разговором, подняли головы и поглядели туда, куда указывал юноша. Они за день видели много замков, наверное четыре, не меньше, но этот, несомненно, принадлежал Его Высочеству.

Маленберг стоял на скале, возвышаясь над лесом. Родовой замок дома Ребенрее был виден издалека.

— Надо бы добратсья до него дотемна, — сказал кавалер.

Очень ему хотелось, чтобы герцог увидал его отряд.

— Успеем, — заверил его Карл Брюнхвальд и, обернувшись, крикнул: — Шире шаг, ребята! Скоро постой. Вон у того замка встанем.

А кругом было на удивление хорошо. Поля со всходами, луга, кони пасутся, коровы. Дома мужиков вовсе не хибары: побелены, крепки. Кирхи не бедные. Коров вокруг много, на каждом клочке земли вдоль дорог, там, где есть трава, — корова. Ветряки мельниц то тут, то там. Богатая земля, богатая. Одно слово — родовой домен герцога. И великолепный замок на горе, новый, крепкий, высокий, как скала, красивый. Брать его — только зубы ломать: на горе стоит, вокруг него даже пушек не выставить. Разве только предместья пограбить. В общем, все здесь хорошо и красиво. Видно, ни разу сюда еретики с войной не доходили.

Как приблизились к замку, навстречу рысью выдвинулись два всадника. Ретивые, но вежливые господа оказались. Сначала у Максимилиана спросили, чей стяг он держит. Строго спрашивали, но

без грубости. Получив ответ, подъехали к Волкову и Брюнхвальду. Поздоровались, представились и спросили, зачем это они ведут столько добрых оружных людей к замку Его Высочества.

— Это рыцарь Божий Фолькоф, — за Волкова ответил Брюнхвальд, — а то люди и офицеры его. Идет он к замку Его Высочества так как барон фон Виттернауф звал его, чтобы герцог мог наградить рыцаря по его заслугам.

Один из господ сказал тогда:

— Станьте под замком, там постоянных дворов довольно, и велите людям вашим вести себя смиренно, простой люд не обижать и ждать, когда принц вас пригласит.

Брюнхвальд, видно, собирался ему ответить, что они и не думали этого делать, чай, не разбойники, но Волков его опередил и объявил:

— Так мы и поступим. Предайте Его Высочеству, что я смиренно жду его аудиенции. И передайте барону фон Виттернауфу, что я прибыл.

— Мы все передадим, — обещали господа и уехали в замок.

Под горой, на которой стоял замок, раскинулось большое село, да и не село уже, скорее город, просто без стен. Город да и только. И дома у него каменные, и ратуша большая, рынки, церкви. Чем не город? Там нашлись постоянные дворы, а один и вовсе неплохой. Волков снял комнаты всем своим офицерам. И Бертъе, и Рене, и Брюнхвальд были довольны. Солдаты по разрешению хозяина за малую плату расположились в палатках на скошенном поле возле села. Они поставили котлы с бобами на огонь, зарезали двух баранов, что купил им кавалер, пили пиво и ели свежий, белый хлеб. И все были довольны. Все, кроме Агнес.

А чего ей быть довольной? Комнату господин ей снял маленькую, с узкой кроватью и без стола. Столоваться ей внизу велел со всем постоянным людом. А ее служанку Астрид так и вовсе оправил спать в людскую со всякой сволочью, с лакеями и холопами. Авось не барыня. Госпожа Агнес хотела по лавкам хорошим пройтись, слава богу, они тут были. Она видела из кареты добротный лен да еще шелковую лавку. Так господин денег не дал. Отчего же ей быть в добром расположении духа? Так и ходила по трактиру после ужина злая. Встретила

в коридоре Максимилиана. Говорить с ним хотела, да он убежать norовил, твердил, что по делам господина старается. Так от злобы она ущипнула его за щеку. Сильно. А он взвизгнул, отпихнул ее и убежал. А она посмеялась немного, хоть чуть развеселилась и пошла Ёгана искать. Решила отчитать его за нерадивость и неумение водить карету.

Не нашла, пошла в покои господина, а там с ним мужчины за столом. Офицеры. Ей очень нравилось, что эти господа всегда вставали и кланялись ей, когда она входила в комнату, шурша своим дорогим платьем. Все вставали, только кавалер не вставал, говорил с ней неучтиво. А мог и вовсе, коли в дурном духе был, из-за стола ее выпроводить бесцеремонной фразой: «Спать ступай, к себе иди». Все ее чтили, все ей кланялись: и господа, и холопы, даже те, кто видел ее первый раз, а он как со служанкой с ней говорил. Или еще хуже, как с ребенком. И при людях небрежно протягивал ей руку для поцелуя. И она целовала эту руку с поклоном. В этот момент Агнес сама не знала, нравится ли ей при людях руку ему целовать или злиться она на него за такое унижение. Скорее, и злилась она, и нравилось ей. Все сразу.

Иногда он позволял ей посидеть с ними за столом, выпить вина — но недолго. Затем всегда отсылал ее. И опять обидно отсылал, словно она была дите неразумное. А она вовсе не дите. Может, ей и интересно было поговорить с господами офицерами, блеснуть знаниями своими, увидеть на их лицах удивление и восхищение. Зря она, что ли, книги читала одну за другой. А господин говорить ей не давал, гнал ее безжалостно. Или шутливо спрашивал господ офицеров, не знают ли те кого, кто взял бы Агнес замуж. Те отвечали, что таких богатеев среди своих знакомых не встречали и что госпоже Агнес в мужья пойдет только граф, никак не меньше. И тогда господин говорил, что графов он не знает и за неимением таких выдаст ее, наверное, за Сыча или Ёгана. И тут следовал смех. Солдафоны, чего с них взять.

И вот из-за этого она уже точно на него злилась. Краснела и говорила слова негрубые, но тоном дерзким, отчего все мужчины смеялись от души еще больше, и кавалер ее выпроваживал прочь. Вот и в этот вечер в постоялом дворе Волков и офицеры посмеялись, и он опять выгнал Агнес из-за стола. Она выпила вина и была зла, раскрас-

нелась, даже стала хороша собой. Вскочила и убежала, как обычно, даже не пожелав ему спокойного сна, а после нее Брюнхвальд, Рене и Бертье тоже откланялись и пошли по своим комнатам.

Трактирные лакеи быстро убрали со стола посуду, остатки ужина и ушли. А Ёган взялся смотреть одежду господина, приговаривая:

— Это чистое. И это чистое. И это еще поносите.

— Ты не забывай, что завтра меня может герцог звать, не дай бог у меня одежда грязная будет, — напомнил ему Волков.

— Все, что нужно, сейчас прачке снесу, ждет она, — обещал слуга, — сапоги вычищу, завтра будете сами, как герцог.

— Туфли тоже приготовь, может, в туфлях пойду, — задумчиво произнес кавалер и добавил: — Сундук мой дай.

Ёган бросил копаться в тряпках господина и подтащил к столу тяжелый сундук.

Волков достал из кошель ключ, повозился и откинул крышку. Сундук был железный, кованый, с хитрым замком и очень крепкий. Внутри много отделений, но занято всего три. В одном, самом большом, лежал мешок синего бархата, в котором хранился голубоватый стеклянный шар. Его кавалер трогать не стал. Он не любил эту вещь и без необходимости даже не прикасался к ней.

А вот все остальное из сундука извлек. И теперь перед ним на столе лежали расплавившийся от тяжести большой суконный кошель и кожаный плоский кошель для важных бумаг. Там был имперский вексель на тысячу с лишним монет. Волков его и доставать не стал, проверил, на месте ли, и все. А вот содержимое холщевго кошелья вывалил на скатерть.

Золото! Никакого серебра, только золото!

Он и так знал, сколько у него этих славных монет, но решил еще раз пересчитать. Стал раскладывать их столбиками: гульдены, флорины, тяжелые цехины, флорины папской чеканки, эгемские кроны, королевские экю и даже старинный «пеший франк». И самые ценные из всех — тяжелые дублоны. Четыреста две золотые монеты. Волков не мог сказать точно, но приблизительно они стоили восемнадцать тысяч талеров Ребенрее. А значит, все двадцать тысяч талеров Ланна и Фринланда. Да, это были хорошие деньги. Очень хорошие. И все это он заработал всего за один год — непростой, ко-

нечно, зато и награда оказалась намного больше, чем получал он за двадцать лет в солдатах и гвардии. В разы больше.

И это не считая векселя, кое-какой брони, аркебуз и арбалетов, что лежат у него в доме в Ланне. А еще имеется кусочек земли в Ланне с кузницей. Да карета, хорошие кони. Да еще и серебро в кошельке. Там монет полторы сотни, не меньше. Черт, еще пушки! Три пушки, что он вывез из Ференбурга, они тоже стоят больших денег. И все это не считая связей и знакомств, которыми он оброс. Несомненно, Бог был к нему милостив и воздал ему по делам его, хотя и нелегко ему все это далось. И это еще не конец, завтра Волков получит то, о чем мечтал с поступления в солдаты.

Да, он мечтал о земле, всегда мечтал. Он заразился этой мечтой от офицеров, у которых служил в молодости. Все они всегда копили деньги, и копили только на одно. А придворные, на которых он насмотрелся в годы гвардейской службы, готовы были на любые подлости и на самоубийственные безрассудства, только чтобы сеньор дал им землю. Все эти твердые, жесткие, жадные люди мечтали бросить свое ремесло или удалиться от двора, как только накопят достаточно денег на клочок земли. Земли с мужиками, чтобы больше никогда не нуждаться. Чтобы до конца дней своих быть господином. И умереть господином.

И Волков тоже заболел этой болезнью. Думал о земле всегда: и долгими ночами в караулах, и стоя в конце штурмовой колонны с арбалетом в руках, и на привалах. Экономя деньги в кабаках и торгуясь с маркитантками, он все время копил. Все это время мечтал о земле. И вот теперь эта мечта была совсем рядом. Если, конечно, барон Виттернауф его не обманул. Нет, он не обманет, не посмеет. Барон стал его уважать, может даже побаиваться, после того как Волков на его глазах ловко и хладнокровно разбирался в тюремных подвалах Хоккенхайма с тамошними хитрыми и злобными ведьмами.

Нет, барон сделает все, что обещал. Если, конечно, герцог не будет против и даст обещанную землю. И тогда... Деньги Волкову кстати. Вряд ли ему дадут очень хорошую землю, никто не станет раздавать добрую землю с мужиками. Дать-то дадут, но или земля будет плоха, или мужиков на ней окажется мало. Кроме того, еще и потребуют, чтобы спасибо говорил до самой смерти. И служил.

Ну и черт с ними, лишь бы дали, лишь бы не обманули. А уж он как-нибудь поднимет ее. Тут Волков в себе не сомневался.

— Лишь бы дали, — произнес он, сгребая золото в кошель.

— Это вы про что? — полюбопытствовал Ёган.

— Да про землю, может, герцог мне земельки даст.

— Земля! — Слуга замер с новым колетом господина в руках. — Земля — это очень хорошо. Особенно если с мужиками.

— А на кой черт она мне без мужиков?

— Это да, — согласился Ёган. — Это да, только вы и без мужиков берите, не отказывайтесь.

— Брать?

— Обязательно. Если крепостных не будет, так свободные набегут, безлошадные да безземельные. Лошадок им купим, покос выделим, дужок какой дадим под козу, оброк честный положим, опять же, дозволим хворост собирать, глину жечь, запруды на ручьях под рыбу ставить, обязательно мужички набегут. А если скажем, что первые пару лет без барщины будут жить, так и много набежит. Лишь бы земля была не камень да не болото.

— Думаешь, справимся? — спросил Волков, в первый раз, наверное, всерьез советовавшийся со слугой.

— Эх, господин, — осклабился Ёган, — вы думайте, как мечом махать да ведьм палить, а в мужицком деле я разберусь. Всю жизнь им занимаюсь.

— Ладно. — Волков вздохнул, захлопнул сундук и запер его на ключ. — Давай спать, на рассвете встанем.

— Давайте, господин, — согласился слуга, — сейчас только вещи к прачке занесу и тоже лягу.

Он ушел, а кавалер запер дверь и завалился в кровать, которая была далеко не так хороша, как та, на которой он спал в Хоккенхайме. Но человеку, который много лет спал на солдатском тюфяке или на земле, и такая кровать счастье. Хоть и волновался он, хоть и думал о завтрашнем дне, но заснул сразу, как и положено бывшему солдату.

ГЛАВА 2

На заре он велел принести себе в покои завтрак. Пригласил офицеров, а Максимилиана послал в замок узнать, когда курфюрст его примет.

Еще в Хоккенхайме Волков безвозмездно выдал Рене и Бертье деньги, видя их бедственное положение. Он считал укором себе, что его офицеры ходят в разорванных солдатских башмаках и что колеты у них в локтях и на манжетах протерты. А на их шляпы он и вовсе смотреть не мог. Оттого и не поскупился, выдав им в подарок по пять талеров. Денег у него были целые сундуки, пока их попы не отняли. И если взрослый и умудренный опытом Арсибальдус Рене потратил полученное с толком и теперь выглядел вполне прилично, хоть и небогато, веселый и голосистый Гаэтан Бертье поступил как минимум оригинально. Вместо нового колета он накопил себе рубашек с тончайшим кружевом, вызывающие красные сапоги выше колен и роскошный алый кушак. И теперь поверх растрепанных манжет и воротника у него торчали роскошные кружева, а выдавшие виды широченные зеленые панталоны никак не гармонировали с красными сапогами и кушаком алого шелка. Ничуть не смущаясь, решение он нашел с солдатской простотой, напялив на себя кирасу — изрубленную и кое-где помятую, но зато начищенную до зеркального блеска.

Как ни странно, но Рене и Брюнхвальд также явились к завтраку в кирасах. Поразмывлив, Волков решил, что это даже неплохо. Он, конечно, пойдет на прием без доспехов, но эти кирасы подчеркнут серьезность его людей. Правда, кавалер надеялся, что весе-

лый Бертье не осмелится на прием к герцогу надевать свою рваную шляпу.

И когда они ели молодой сыр, топленое молоко, белый хлеб и окорок, прибежал Максимилиан и рассказал им:

— Поначалу меня в замок не пускал сержант. — Юноша с трудом переводил дух. — Но как я сказал, что меня послали вы и что вас пригласил барон, так сразу пустили и сказали, где найти хозяина. Думал, он еще спит, а он не спал, я ему сказал, что вы ждете дозволения герцога, а он в ответ, что ждать не нужно, а нужно через час прийти в трапезную и, пока герцог завтракать будет, он вас представит.

— И все? — спросил Волков, чувствуя, что от волнения начинает гореть лицо.

— Нет, еще сказал, что вопрос ваш у него решен, — выпалил Максимилиан. — И чтобы вы не волновались. Сказал, что все будет по уговору.

— А что же за вопрос? — Пылкий и шумный Бертье даже усидеть не мог на стуле, вскочил. — Ну, кавалер, расскажите!

Волков не говорил офицерам о награде, вернее, говорил, что награда будет, но не уточнял, какая именно. Даже Брюнхвальду, кажется, про землю не обмолвился.

— Узнаете, господа, — ответил он с напускным спокойствием, хотя у самого кипела кровь от волнения. — Придет время, и узнаете.

Кавалер даже смог улыбнуться.

— Вот какой же вы холодный человек! — восхитился Бертье.

— Хладнокровие — очень важное качество для офицера, — нравоучительно заметил ему Рене. — Вам, Гаэтан, есть чему поучиться у кавалера.

Но Волков только с виду казался спокоен, на самом деле он волновался. Так волновался, что расхотел заканчивать завтрак и, чтобы избавиться от гостей, крикнул:

— Ёган, подавай одеваться!

Гости тут же встали и пошли из покоев, а Ёган принес от прачки чистую и лучшую одежду господину. Кавалер оделся и стал придирчиво осматривать себя, пока слуга держал перед ним зеркало. Колет,

шитый серебром, был изумителен, бархатные панталоны в меру широки. Сапоги решил не надевать: до замка недалеко, поедет в туфлях, авось грязи нет, не запачкается.

Перед отъездом Волков решил взглянуть на своих людей и остался ими доволен. Даже неряха Сыч и тот был чист и гладко выбрит. А уж Максимилиан и вовсе оказался образцовым знаменосцем. Видно, Карл Брюнхвальд проследил за тем, как выглядит сын.

Так и поехали. Дорога была не крута, но все время шла в гору.

Волков и офицеры разглядывали замок герцога и пришли к выводу, что в нем легко можно разместить и тысячу солдат. Все сошлись во мнении, что этот замок штурмом не взять и что просидеть под ним можно годы — и осада будет без толку.

Мост был опущен, решетка поднята. Едва Максимилиан крикнул, что едет кавалер Фолькоф, офицеры и люди его, сержант сразу отошел с дороги, пропуская их и указывая рукой:

— Езжайте к восточной коновязи. Там гости ставят коней.

Большой двор был вымощен ровным камнем и на удивление чист — даже под коновязями чисто, словно лошади тоже поддерживали чистоту. Такого Волков не видал ни при дворе де Приньи, ни при дворе архиепископа. Остальных это тоже поразило. Стены были выбелены, двери в образцовом порядке, словно новые.

Тут же во дворе их встретил мажордом — немолодой муж солидного вида, опиравшийся на трость с серебряным набалдашником. Кроме дорогой приметной трости о важности этого человека говорила не только добрая одежда, но и золотая цепь гульденов на двадцать.

— Я прибыл по приглашению барона фон Виттернауфа, — сказал Волков, бросая повод Сычу.

— Барон дожидается вас, — с едва заметным поклоном величаво отвечал мажордом.

— Ишь ты, серьезный какой, — тихо сказал Ёган, — и не поклонится даже толком.

— И не говори, боится, спина переломится, — согласился с ним Сыч, с интересом разглядывая цепь мажордома. — Вон сколько золота на себе носит, важная, видать, птица.

Они с Сычом так и остались при лошадях.

Остальных мажордом жестом пригласил следовать за ним. Шел он, подлец, так, что Волков едва поспевал — непросто ему было хромать по высоким и вычищенным ступеням, которые вдобавок никак не кончались. Подъем — коридор, подъем — коридор. Подъем — длинный коридор. Кавалер pokrылся испариной, сжал губы в нитку. Ногу на ступенях стало выворачивать, словно он уже целый день ходил, ступать на нее было все тяжелее. Но просить мажордома не спешить он не хотел. Не к лицу рыцарю Божьему выглядеть немощным. А вот по шее мажордому так и подмывало накостылять хорошенько, только вряд ли бы выгорело, ибо угнаться за ретивым мужем не было никакой возможности. Да и догони его Волков — сдержался бы. Ничего, потерпит, не для того он здесь, чтобы слуг герцога задирать. Вот и шагал он за мажордомом, сопя и стискивая зубы. Терпел боль в ноге и обиду в сердце.

Наконец они пришли. Наверное, на четвертом этаже замка, в гулкой зале, с большим столом и огромным камином, мажордом остановился у больших дверей. Трижды стукнул в них тростью.

— Рыцарь Фолькоф к вам, барон! — звонко крикнул он.

— Проси, — донеслось из-за двери.

Волков подумал, что и герцог там, внутри, быстро вытер пот с лица и пошел к двери, стараясь не хромать сильно. Мажордом услужливо открыл ему дверь, хотя это и должен был делать лакей. Жестом пригласил его войти, но бесцеремонно задержал офицеров, что собирались следовать за кавалером. Те послушно остановились. Стали разглядывать гобелены на стенах. А Бертье не постеснялся, взял со стола стеклянный кувшин, потряс его и радостно сообщил:

— Господа, вино!

Рене, Брюнхвальд и Максимилиан ничего ему не ответили и смотрели на него осуждающе. Бертье вздохнул и поставил кувшин на стол.

Барон как увидал кавалера, встал из-за стола и развел руки для объятий, словно встретил старого друга:

— Кавалер, ну вот вы и добрались сюда. Рад вам, рад.

Они обнялись. И Волков, отстраняясь от барона, вдруг увидал на нем золотую цепь, еще более тяжелую, чем была на мажордоме. Заканчивалась цепь медалью с изображением подковы. Волков удивленно поглядел на медаль и, указав на нее пальцем, спросил:

— Обер-штаалмейстер?

Они уселись за стол.

— Да, — расплылся в улыбке барон. — Его Высочество счел, что мои старания заслуживают награды. Теперь я первый конюший двора. Но вы не волнуйтесь, кавалер, ваши старания тоже не остались без внимания. Герцог и канцлер приняли решение...

Барон замялся, немного сморщился, как от неудовольствия.

— Что? Говорите, барон, — поторопил его Волков.

— Был у вас недоброжелатель. И многое он сказал против вас.

— Это обер-прокурор, — догадался Волков, вспоминая лицо графа на суде в Хоккенхайме.

— Да, это граф фон Вильбург, дядя нашего герцога.

— И что же за упрёки он приводил?

— И то, что вы чинили несправедный суд в Хоккенхайме, и то, что вы разграбили Ференбург, и то, что вы в нелепом поединке убили лучшего чемпиона герцога.

Волков молчал, хотя ему было что сказать на каждое из этих обвинений. А барон продолжал:

— Но на все это у меня нашелся ответ, и тогда граф Вильбург высказал тезу, которую мне парировать было нечем.

— И что же это за теза?

— Вильгельм Георг фон Сольмс, граф Вильбурга, сказал, что вы рыцарь Божий и человек курфюрста Ланна и Фринланда, доброго брата нашего герцога.

Волков помолчал и спросил:

— А они что, и вправду братья?

— Да какое там! — Барон наклонился к Волкову и доверительно зашептал: — Курфюрст Ланна и Фринланда урожденный Ву-

пертадь. Это древний род из старых дюков, такой же, как и Бюловы или Филленбурги. В общем, все родовитые курфюрсты, чей род хоть раз занимал императорский трон. Ребенрее ни разу не сидели на этом троне. А имя предков нашего герцога Мален. Двести лет назад о Маленах и не слышал никто. Имя Ребенрее они носят всего сто пятьдесят лет. — Он поднял палец вверх. — Но не вздумайте это где-нибудь упомянуть, сразу наживете себе десяток влиятельных врагов.

Кавалер кивнул, и барон продолжил:

— В общем, мне нечего было ответить графу по поводу вашей преданности архиепископу Ланна. И герцог с канцлером сказали, что примут решение, поговорив с вами.

— И когда они хотят поговорить со мной? — спросил Волков, мрачней. Никогда, никогда и ничего не проходило в его жизни гладко.

— К концу завтрака, ко второй перемене блюд. То есть сейчас.

Барон встал, и Волков с трудом поднялся со стула. Ну, хоть не пришлось ждать. И то хорошо.

